

Лэ Юй подумал про себя: «А разве ты сам не был печальным влюблённым по отношению к Гу Саню?»»

Инь Усяо сказал:

— Владыка Небесных Тайн мог предсказывать судьбу, потому что у них был переданный из поколения в поколение «Небесный механизм». Только кровь и энергия рода Владык Небесных Тайн могли привести механизм в действие. Он должен был оставаться в Заоблачном городе, чтобы воспитывать следующего Владыку Небесных Тайн, но ради одного мужчины он украл механизм и, истощив свою энергию и кровь, защитил его от Пяти признаков увядания небожителя. Как русалка, плачущая жемчужными слезами, он умер, когда его слёзы иссякли. Он непрерывно делал расчёты, рано истощив всю свою кровь, и умер, не дожив до тридцати лет.

Он вспомнил Цзи Шуюня, который, умирая, всё ещё улыбался своему возлюбленному: «Я счастлив, что встретил тебя, что умер ради тебя. Ты никогда не полюбишь меня, но я счастлив». Затем он посмотрел на Лэ Юя и добавил:

— Вот как любовь может погубить человека.

Лэ Юй, однако, сказал:

— Раз уж вы смогли привлечь внимание Владыки Небесных Тайн, ваш учитель, должно быть, обладал необычайной красотой.

Инь Усяо на мгновение замер, не ожидая, что он осмелится шутить даже над гроссмейстером, и с улыбкой ответил:

— А как тебе моя внешность?

Его лоб был гладким, губы мягкими и полными, как лепестки цветка, а улыбка никогда не обнажала зубов. Его волосы слегка растрепались из-за приготовления лекарства. Лэ Юй взял его за подбородок и сказал:

— Красавец, от которого сердце бьётся чаще.

Инь Усяо, улыбаясь уголками глаз, ответил:

— На три-четыре доли более прекрасный, чем это лицо.

Лэ Юй отпустил его и сказал:

— Неудивительно. Вы говорите, что любовь губит человека, но, возможно, это красота, и те, кого она губит, делают это с радостью.

Инь Усяо сел напротив него за чайным столом, наполовину в тени, его выражение стало загадочным, и он с улыбкой произнёс:

— Значит, ты наконец признал, что тебя погубила красота? Сколько раз я советовал тебе уйти в затворничество, а ты не слушал, всё ещё просил меня дать тебе временное лекарство. Очевидно, это было ради того человека, с которым ты провёл одну ночь.

Лэ Юй изначально не считал, что испытывает такие глубокие чувства к Сяо Шанли, но после схватки с младшими гроссмейстерами, когда его подставили и он разделил с ним ложе, он понял, что его чувства стали гораздо глубже. Инь Усяо сказал:

— Я снова советую тебе: сейчас временное лечение возможно, но оно не устраняет причину. Максимум, что я могу сделать, — это задержать проявление травм с трёх месяцев до года, но через год старые раны всё равно проявятся.

Лэ Юй не смог удержаться от шутки:

— Я спас тебе жизнь, и ты спас мне жизнь. Хватит уже этой заботы и болтовни. Может, ты переключил свои чувства с Гу Саня на меня и постепенно понял, что я достойный человек, которому можно доверить своё сердце?

Инь Усяо ответил:

— Ты...

Овладев собой, он взглянул на его грудь и живот. Лэ Юй не верил, что последствием любовного яда будет «скрытая беременность». Инь Усяо многозначительно сказал:

— Я пока оставляю тебя в покое, не буду с тобой спорить. Через некоторое время ты сам будешь умолять меня.

Он поставил перед ним чашу с лекарством, обошёл ширму и ушёл. Лэ Юй поднял чашу и сказал:

— Гу Сань приедет в Цзиньцзин. Если ты действительно не хочешь с ним встречаться, постарайся заранее уйти.

Через три дня, на закате, хозяин Павильона Весеннего Дождя, третий молодой господин Гу, прибыл в город на торговом судне. Весенние воды огибали город, и на берегу канала с абрикосовыми деревьями маленький слуга Чуньбао вежливо поднялся на борт, чтобы проводить третьего молодого господина Гу. Торговое судно некоторое время плыло по каналу, пока не причалило к тихой бухте. На воде лежал красный закат, а с цветочной лодки доносились звуки музыки.

Гу Сань сошёл с судна и поднялся на цветочную лодку. Обычно он носил роскошные одежды, украшенные жемчугом и нефритом, но теперь он был одет в простую белую одежду, без украшений, что только подчёркивало его красоту и изысканность. Он поднял соломенную завесу на лодке, и только тогда стало видно, что на его большом пальце был старинный нефритовый перстень с кровавыми прожилками — символ хозяина Павильона Весеннего Дождя.

За ним вошла красивая женщина в фиолетовой одежде с мечом. У него была старая травма ноги, и он пошатнулся, но её поддержали. Тэнъи огляделась, и на её лице появилось раздражение. Внутри лодки валялись опрокинутые чашки, на полу лежали разбросанные фрукты. Одна женщина играла на пипе, две другие танцевали, а Лэ Юй, перенёсший сюда кровать, всё ещё был пьян. Ещё одна женщина сидела у его постели и обмахивала его веером.

Гу Сань, однако, с улыбкой успокоил её:

— Подожди его немного. Редко удаётся напиться и слушать музыку.

Как только он это сказал, Лэ Юй спокойно сел, открыл глаза, взглянул на него и, всё ещё пьяный, обнял женщину, которая обмахивала его, и шепнул ей на ухо:

— Та девушка не умеет танцевать, научите её.

Красавицы в розовых и жёлтых одеждах окружили Тэнъи, их голоса слились в один. Её задержали, но Гу Сань не стал вмешиваться, а спокойно сел напротив Лэ Юя.

Лэ Юй поправил одежду и спросил:

— Ты знаешь о той ночи?

Гу Сань ответил:

— Фэйлуань сообщила мне. Ты не пытался её избежать.

Оказалось, что в ту ночь в комнате с Лэ Юем был Князь Цзинчэн. Он думал, что оба они были отравлены любовным ядом, но как Князь Цзинчэн мог сопротивляться одному из лучших младших гроссмейстеров? Гу Сань с горькой улыбкой сказал:

— Сначала я не мог поверить, растерялся. Я не хотел встречаться с тобой, пока не услышу это из твоих уст, прежде чем пойти к Князю Цзинчэн.

Лэ Юй сказал:

— Что ты хочешь услышать от меня? Только то, что я собрал железо со всей Поднебесной и совершил огромную ошибку. К счастью, Князь Цзинчэн тоже не смог с этим справиться, и мы решили забыть, как будто ничего не произошло.

Гу Сань усмехнулся:

— Значит, ты получил огромную выгоду, а мужчина не может заставить тебя отвечать. На самом деле, меня не особо волнует твоя... связь с Князем Цзинчэн. Я просто хочу спросить, сможет ли чувство вины за то, что ты сделал под действием яда, заставить тебя изменить свои взгляды и перейти на сторону Князя Цзинчэн?

Это был не Сяо Шанли, который спрашивал его. Сяо Шанли уже знал, что это невозможно. Позиция Лэ Юя была позицией острова Пэнлай. Лэ Юй на мгновение задумался и сказал:

— Ты спрашивал это много раз. Если бы я мог, я бы уже давно не отказался.

Гу Сань улыбнулся:

— Я всегда хочу спросить ещё раз, вдруг в следующий раз ты согласишься? Как в начале, когда я знал, что ты не станешь помогать Князю Цзинчэн, я всё равно использовал разные методы, чтобы убедить тебя. Кто бы мог подумать, что ты действительно непоколебим, даже после того, как у тебя был... с Князем Цзинчэн, ты не изменил своего решения.

Лэ Юй, услышав, как он снова упоминает Князя Цзинчэн, выглядел задумчивым, его мысли, казалось, унеслись далеко. Он сказал:

— Я тоже хотел бы измениться.

Гу Сань достал из рукава кусок простой ткани и развернул его перед ним. На ней был изящный почерк, похожий на женский, — слова Сяо Шанли: «Чуйгун».

Гу Сань, поглаживая ткань, вздохнул:

— Мы все недооценили его.

«Опустив руки, управлять Поднебесной». Он хочет очистить мир рек и озёр, но сделать это так, чтобы никто не заметил. После битвы в Саду Гэнъе наибольшую выгоду получил Князь Цзинчэн. Он всегда с подозрением относился к людям из мира рек и озёр, и та ночь, когда младшие гроссмейстеры сражались, дала ему повод вмешаться и навести порядок. Я приехал сюда по приказу императора. Князь Шоушань вступил в сговор с Северной Хань, но так как это не затронуло Князя Цзинчэн, император позволил им сражаться. Предложение Князя Цзинчэн было принято, и император решил создать «Управление Чуйгун» как орган, который будет следить за делами мира рек и озёр от имени императора. В знак признания он полностью передал его под контроль Князя Цзинчэн.

Лэ Юй спросил:

— Значит, ты приехал в белой одежде, чтобы сменить её на чиновничью?

Гу Сань покачал головой:

— Я надеюсь, что это не станет явным. Управление Чуйгун только создаётся, и даже ради интересов двора я не хочу сразу становиться мишенью для всех в мире рек и озёр.

Он снова улыбнулся, мягко добавив:

— Я просто такой слабак, готовый преклониться перед императором. Но, к счастью, Тэнъи не презирает меня. Мы обменялись свадебными клятвами. Я давно считал её своей женой, и только теперь это стало официальным. Во всём мире, кроме хозяина острова Пэнлай, нет ни одного человека, с которым я бы хотел поддерживать дружбу всю жизнь. Я приехал в Цзиньцзин, чтобы лично сказать тебе об этом.

Тэнъи молча сидела рядом с ним, держа его за руку. Лэ Юй громко рассмеялся, опёрся головой на руку и крикнул:

— Вина!

Женщина подала им вино. Лэ Юй сказал:

— Поздравляю!

Гу Сань посмотрел на него с ностальгией, улыбнулся и сказал:

— Сколько лет мы с тобой знакомы?

Лэ Юй ответил:

— Двенадцать. Двенадцать лет назад мы впервые встретились, и ты тоже был в белой одежде.

<http://bllate.org/book/15272/1348091>